

Владимир СОГРИН

Конфликт и консенсус в российской политике

Вряд ли есть необходимость доказывать, что одной из главных и актуальнейших задач современной модернизации в России является обеспечение мирных легально конституционных способов всестороннего реформирования общества. Действительно, в переломные переходные эпохи, подобные той, которую переживает Россия (когда осуществляется коренной передел собственности и власти, перемена общественного строя), вероятность социального и политического насилия, гражданских войн резко возрастает. Доказательство тому — исторический опыт самой России. В российском политическом языке подобные переходные периоды принято называть «смутным временем», «смутой», а как хорошо известно историкам, российские «смутные времена» сопровождались насилием, кровью, гражданскими войнами. Застрахован ли современный переходный период, который многие политики — как правые, так и левые, как сторонники, так и противники перемен, — все чаще называют «смутным временем», от подобных катастроф?

Кое-кто в связи с этим вопросом, возможно, недоуменно скажет: о какой «страховке» идет речь, если в современной России то там, то здесь уже проливалась и проливается кровь? На это можно ответить: это так, но все же во всех случаях то была «малая кровь», локализованная в пространстве и времени и, конечно, никак не сопоставимая по масштабам с морем крови, пролитой в России, например в «смутное время» 1917—1921 годов, когда была предпринята схожая по масштабам, хотя и противоположная по смыслу перемена общественного строя. В сравнении с радикальной общественной ломкой 1917—1918 годов современная общественная ломка поражает именно мирным характером. Это мирное крушение КПСС и СССР, советского строя и коммунистического режима, мирная смена социализма капитализмом в глазах многих зарубежных наблюдателей являются одной из главных исторических сенсаций XX века. Она осознается и многими россиянами, а российский Президент в своих традиционных речах и интервью накануне годовщины российской «независимости» (12 июня) или провала путча ГКЧП (19 августа) неизменно и с законным основанием подчеркивает, что одно из главных достижений современной переходной эпохи — мирный характер радикальных общественных перемен.

Вышесказанное не означает, что на протяжении современного переходного этапа, охватывающего уже десятилетие, ни разу не возникла угроза крупномасштабного насилия и кровопролития, даже гражданской войны. Назову два наиболее известных случая, когда такая угроза обозначалась. Первый относится к августу 1991 года: коммунистические фундаменталисты из руководства СССР прибегли тогда к путчу, дабы предотвратить крушение социалистического строя. Во второй раз опасность гражданской войны возникла в октябре 1993 года во время конфликта двух высших ветвей государственной власти в России, когда обе

С о г р и н В. Я. доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Общественные науки и современность».

стороны прибегли к вооруженному методу борьбы за свои интересы. Угроза гражданской войны в обоих случаях была снята, но, как это ни странно, общество после тех событий не удосужилось серьезно поразмыслить о действенных демократических механизмах предотвращения подобной опасности в будущем.

Возьмем, к примеру, современные российские политические партии, которые, что называется «по определению», должны задавать тон в осмыслении и создании механизмов прочного гражданского мира. Тщетно было бы искать в их идеологии рассмотрение этих проблем. Зато в программах партий радикального толка, пользующихся влиянием в обществе, есть требования, которые при попытке их практической реализации могут привести к краху мирного развития и развязыванию гражданской войны. Таковы, например, требование Либерально-демократической партии о возрождении России в территориальных границах, существовавших до 1917 года, или требование Российской коммунистической партии о воссоздании СССР, равно как и советского социалистического строя.

Прежде чем обратиться к осмыслению механизма поддержания гражданского мира в России, не лишне обозначить те его образцы, которые существуют в других странах и стали по сути классическими. Наиболее развитым среди них является тот, который сложился в либерально-демократических странах Запада. Его рассмотрение интересно и поучительно уже потому, что начиная с 1987 года российские реформаторы в качестве образцов для подражания брали западные модели рынка, гражданского общества, разделения властей, правового государства. Но вот западные демократические механизмы поддержания гражданского мира не привлекли должного внимания. Замечу, что сегодня в нашем обществе развивается уже и скепсис относительно возможностей воплощения западных образцов в России. Действительно, западные образцы гражданского общества, разделения властей, правового государства плохо приживаются на отечественной почве. Ясно, что и западные демократические механизмы поддержания гражданского мира не могут быть воплощены в России автоматически. Но знание их все же полезно, ибо существуют они уже не одно столетие, демонстрируя высокую надежность. На сегодняшний день именно они являются классическими для демократических режимов. А возможность создания такого режима в России пока еще не исчерпана.

Одна из основ западных демократий — признание суверенитета гражданского общества и его приоритета по отношению к государству. Из этого следует, что западные демократии гарантируют право на существование, свободное развитие и конкуренцию самых разнообразных классовых, этнических, религиозных и иных интересов. Их бесконфликтное существование невозможно; везде, где существует гражданское общество, неизбежны конфликты. Но неупорядоченное стихийное развитие последних ведет к тому, что еще Т. Гоббс называл «войной всех против всех», т. е. к социальной анархии, непрерывным революциям, переворотам, путчам. Цивилизованное существование конфликтов, их развитие в мирной форме, как свидетельствует опыт западных демократий, требуют для начала их институционализации. Среди многих институтов, которые представляют разнообразные общественные интересы, особое значение для цивилизованного разрешения конфликтов имеют политические партии.

Политические партии, их свободное состязание позволяют различным классам, слоям, группам гражданского общества институционализировать свои интересы, разрешать конфликты между собой в цивилизованной форме, реализовывать свои притязания через легально конституционные механизмы, главными среди которых являются выборы во властные государственные органы. Наличие конституции и свободных выборов позволяет менять партии у власти, мирным образом разрешать как их соперничество, так и социальные конфликты. Циклы западных демократий, чередование у власти консерваторов, либералов, социал-демократов, социалистов, представляющих различные, подчас соперничающие социальные интересы, способствуют, помимо всего прочего, поддержанию равновесия, баланса между ними. Пока сохраняется подобный механизм, различные

слои общества уверены, что их интересы будут так или иначе учтены, и им не нужно прибегать к таким чрезвычайным мерам, как насилие и революция. Их представителям и в голову не приходит звать своих подопечных «к топору», конфликты получают мирное развитие.

Наличие соперничающих партий, выступающих с альтернативными социально-политическими программами, является основополагающим способом легитимации конфликтов и их мирного развития. Но этого все же недостаточно для обеспечения конституционного протекания конфликтов. Оно, как свидетельствует опыт западных демократий, предполагает и достижение между разными классами и слоями, как и между партиями, консенсуса по ряду основополагающих вопросов общественного устройства. Отсутствие такого консенсуса будет создавать перманентную угрозу перерастания конфликта в насильственные формы.

Консенсус между основными социальными и политическими силами западных обществ заключается в признании исключительно конституционных форм преобразований и политических действий, приоритета гражданского общества и права на существование разных классов и социальных интересов, разделения властей и правового государства как основы демократии, нерушимости права собственности и разнообразия ее форм. Вопросы об основах отношений собственности и государственного строя остаются вне сферы конфликта между партиями. Дискуссии между ними ведутся по вопросам о способах налогообложения, формирования и распределения бюджета, программах промышленной и финансовой политики. Круг разногласий между ними широк, но все же предлагаемые альтернативы не затрагивают краеугольных общественных основ. Поддержание прочного консенсуса по вопросам общественных основ, как показывает практика западных демократий, требует политического доминирования право- и левоцентристских партий. Радикальные партии — как правые, так и левые — должны оставаться политическими маргиналами.

Консенсус в западных демократиях не является раз и навсегда данной величиной, но меняется в связи с меняющимися запросами времени. Во второй половине XX века в этот консенсус в качестве одного из основополагающих положений включено признание важных социальных прав рабочего класса и малоимущих слоев населения. В связи с этим западные государства, независимо от того, какая партия находилась в тот или иной период у власти, планомерно создавали системы социального страхования и вспомоществования, принимали законы о минимальной заработной плате, гарантированном прожиточном минимуме, материальной помощи аутсайдерам общества. Так было создано социальное государство, или «государство благосостояния», основополагающие принципы которого принимаются и социалистами, и социал-демократами, и либералами, и консерваторами. Подобное обновление консенсуса явилось важным фактором умиротворения конфликта между парой «низы»—«верхи».

Поддержание консенсуса по основополагающим общественным вопросам требует, естественно, определенных качеств от соперничающих социальных сил и политических партий. Главными среди этих качеств являются терпимость к иной точке зрения, готовность к диалогу и социально-политическому компромиссу. Идеологии основных политических сил при такой ситуации неизбежно становятся открытыми, готовыми к взаимобмену доктринами с соперничающими идеологиями. Так и происходит на практике. Открытость, отказ от узкоклассового подхода демонстрируют все основные идеологии Запада — и либерализм, и консерватизм, и социализм. В результате доминирующим течением в либерализме стало социально-либеральное, в консерватизме — социальное, в социализме — либеральное. И при этом ведущие идеологии и партии не переступают грань, за которой начинается стирание различий между ними. Они сохраняют свое социальное лицо, продолжая особенно заботиться об интересах «родных» социальных сил: консерватизм — высшего класса, либерализм — среднего клас-

са, социализм — низших слоев общества. Конфликты не отменяют консенсуса, но и консенсус не исчерпывает конфликтов.

Насколько такая схема реальна в условиях посткоммунистического развития стран Восточной Европы? Реалии последних лет показывают, что эта схема, по крайней мере в некоторых из стран Восточной Европы, не является утопией, а может вполне воплощаться на практике. Речь в первую очередь идет о таких странах, как Чехия, Польша, Венгрия, Литва, в историческом прошлом которых присутствовали традиции парламентаризма, разделения властей, правового государства, т. е. в которых налицо определенные социокультурные основы для реализации западной схемы «конфликта—консенсуса», что в существенной мере облегчает переход этих стран от тоталитаризма и авторитаризма к демократии. Действительно, с началом современной эпохи либерально-демократических реформ в этих странах у власти утвердились праволиберальные партии, проводившие политику модернизации по рецептам шокотерапии. Ее тяжести не выдержали народные массы, которые воспользовались демократическими выборами для передачи власти левым партиям. Но авторитарно-социалистической реставрации после этого не произошло: левые партии повели себя по социал-демократически, предложив смягченные, левоцентристские варианты перехода к рыночной экономике. Можно говорить о том, что в названных странах Восточной Европы между главными политическими силами сложился консенсус в восприятии либерально-демократических ценностей в качестве фундаментальных, а различия и альтернативы проявляются по преимуществу в вопросах о способах реализации этих ценностей.

С Россией дело обстоит иначе и сложнее. Пик национального воодушевления по поводу воплощения в стране либерально-демократических ценностей пришелся на 1989—1991 годы. Тогда же основные политические силы фактически пришли к консенсусу в вопросе о принятии этих ценностей в качестве фундаментальных. (Напомню, что к одобрению этих ценностей склонилось и реформаторское руководство КПСС во главе с М. Горбачевым.) Но после прихода к власти в 1991 году радикальных демократов во главе с Б. Ельциным, обратившихся к политике шокотерапии, ситуация резко изменилась. Ее незамедлительные последствия оказались необычайно тяжелы для большинства населения и нации в целом: страна стремительно разделилась на богатое меньшинство и бедное большинство, средние слои стали быстро размываться, «заработал» процесс деиндустриализации, на доминирующую позицию в промышленности выдвинулись сырьевые отрасли. Модернизация вместо западноевропейской или североамериканской модели, что обещали радикальные демократы в 1989—1991 годах, стала утверждать латиноамериканскую общественную модель. Политические силы России резко раскололись, при этом главную роль оппозиции стали играть коммунистические и национал-патриотические партии, выступающие с открыто реставрационными лозунгами. Над процессом либерально-демократических преобразований, как и над процессом мирно конституционного развития общества, нависла реальная опасность.

Очевидно, что западная схема «конфликта—консенсуса» не может утвердиться в России так же просто, как, скажем, в Польше, Чехии и Венгрии. Одна из причин этого — отсутствие в России должных социокультурных исторических предпосылок демократии. Но исключает ли это возможность эволюционно конституционного развития российского общества по пути реформ? На мой взгляд, нет, и свидетельством тому опять-таки опыт некоторых зарубежных стран, которые сумели совершить плавный переход от политической диктатуры к демократии даже при отсутствии или при наличии крайне малых исторических и социокультурных предпосылок. Речь в данном случае идет в первую очередь об Испании. Монархическое и авторитарное, в целом антидемократическое наследие Испании накануне начала ее перехода к либеральной демократии на рубеже 1970—1980-х было не менее тяжким, чем у России. Но основным политическим силам этой страны — и левым, и правым, — когда реально возникла возможность

перехода к демократии, достало политической воли для достижения консенсуса по вопросу о способах такого перехода, который в 1979 году был закреплен документально. Большую роль в достижении и в успехе этого консенсуса сыграла позиция и воля испанского монарха. Испанский урок для России очевиден: если ее политические силы действительно хотят поступательного развития нации по пути реформ, а не просто обеспокоены, безусловно, важной для каждой партии борьбой за власть, они должны пестовать, заключать и перезаключать общественный договор — консенсус о путях и содержании российской модернизации.

Итак, испанский опыт, кажется, должен настроить сторонников цивилизованной формулы «конфликт—консенсус» на оптимистический лад. Но дальнейший анализ способности России к восприятию этой формулы может данный оптимизм существенно преуменьшить. Особенно мало оснований для оптимизма дает обращение к одной из важнейших органических характеристик российской цивилизации — ее национальной ментальности. Эта социокультурная характеристика России, которой раньше как-то не уделялось особого внимания, сегодня на устах у многих аналитиков. И большинство из них повторяют фразу, которая уже звучит банально, но от этого не теряет актуальности: «Россия — страна крайностей». Сегодня многие говорят о трагическом «расколе», присущем русской нации, о неспособности русских достигать «золотой середины», а значит, и приходиться к консенсусу, о их «врожденной» предрасположенности принимать решения, в том числе политические, по принципу «или—или». Ставшая широко известной фраза лучшего российского ума современной эпохи А. Солженицина о том, что «в политике труднее всего идти по центру», по-видимому, в первую очередь отражает национальный политический опыт России.

Пожалуй, наиболее жестко и убедительно об «антиномичности России, жуткой ее противоречивости» писал другой выдающийся русский мыслитель Н. Бердяев в канун самого трагического российского раскола — 1917 года. Позволю себе процитировать его определения главных российских крайностей: «Россия — самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ — самый аполитический народ, никогда не умевший устраивать свою землю... Россия — самая государственная и самая бюрократическая страна в мире; все в России превращается в орудие политики... Интересы созидания, поддержания и охранения огромного государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории. Почти не оставалось сил у русского народа для свободной творческой жизни, вся кровь шла на укрепление и защиту государства. Классы и сословия слабо были развиты и не играли той роли, какую играли в истории западных стран. Личность была придавлена огромными размерами государства, предьявлявшего непосильные требования. Бюрократия развилась до размеров чудовищных... Никакая философия истории, славянофильская или западническая, не разгадала еще, почему самый безгосударственный народ создал такую огромную и могущественную государственность, почему самый анархический народ так покорен бюрократии, почему свободный духом народ как будто не хочет свободной жизни?... Таинственное противоречие есть в отношении России и русского сознания к национальности. Это — вторая антиномия, не меньшая по значению, чем отношение к государству. Россия — самая не шовинистическая страна в мире... Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже — увы! — чуждо национальное достоинство... Но есть и антитезис, который не менее обоснован. Россия — самая националистическая страна в мире, страна невиданных эксцессов национализма, угнетения подвластных национальностей русификацией, страна национального бахвальства, страна, в которой все национализировано вплоть до вселенской церкви Христовой, страна, почитающая себя единственной призванной и отвергающая всю Европу, как гниль и исчадие дьявола, обреченное на гибель»¹.

Эта антиномичность русских приводила их, казалось бы, к патологическому

¹ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990, с. 4—9.

расколу на «антигосударственников» и «государственников», космополитов и националистов. При наличии таких крайностей достижение в России «золотой середины», консенсуса, вроде бы, вообще исключено. Однако, на мой взгляд, анализ современного российского исторического опыта и сегодняшней политической ситуации свидетельствует, что возможность реализации цивилизованной схемы «конфликт—консенсус» не выглядит абсолютно безнадежной. И этот же анализ свидетельствует, что возможность ее реализации в существенной, если не решающей, степени зависит от позиции, поведения и политической воли элитных политических групп. Ибо основная масса рядовых россиян готова жить по ней.

Данное заключение основывается в свою очередь на наблюдении за политическим поведением российского населения в течение современного переходного десятилетия: россияне, как показывает опыт этих лет, в своей массе не склонны к расколу на антагонистические политические лагеря, и они не проявляют готовности к «безрассудному», «страшному», всеокрушающему «российскому бунту» даже в ситуации, когда их явно на это провоцируют. При этом политическое поведение россиян не является однолинейным и однозначным: на современном этапе одни и те же группы россиян, в том числе интеллигенция, неоднократно меняли свои политические симпатии и привязанности, возлагая надежды на выход из кризиса то на коммунистов-реформаторов, то на радикал-демократов, то на патриотов-государственников. Но при этом основная масса россиян ни разу не склонялась к политическому экстремизму, крайним политическим решениям и уж тем более к насилию *a la* Октябрь 1917 года. Современная российская политическая ситуация, на мой взгляд, свидетельствует: трагическая социокультурная предрасположенность россиян к крайностям явно модифицировалась, она не является патологическим свойством, она не доминирует более в политическом поведении россиян и не определяет его.

Тому можно найти несколько причин. Одной из прочных страховок от политического экстремизма стала новая историческая память россиян: вмещающая в себя потрясения и ужас от массового насилия 1917—1921 годов, сталинских репрессий 1930—1950-х годов, она удерживает и даже отвращает россиян от насильственных методов. Другая важная причина отторжения россиянами методов насилия состоит в том, что социалистический режим при всех его недостатках и пороках дал большинству из них среднее и высшее, к тому же весьма качественное, образование. А образованность, безусловно, является одним из лучших противоядий от инстинктивного, толкающего к насилию поведения.

То, что массы россиян чужаются политического экстремизма даже в критических условиях драматического переходного периода, подтверждается несколькими яркими фактами, свидетельствующими, что к насильственным действиям их не может склонить даже влиятельная политическая элита. Первое свидетельство относится к августу 1991 года: именно спокойствие народа, отрицание им экстремизма похоронили надежды на успех высокопоставленных путчистов из союзного правительства. Второе свидетельство связано с октябрьскими событиями 1993 года: российское население тогда явно осудило политический экстремизм и законодательной, и исполнительной властей, заняв в ситуации выяснения их отношений с помощью силы здравую позицию: «Чума на оба ваших дома!».

Сегодня уже ряд аналитиков пришли к выводу, что в социокультурном плане российская нация созрела для того, чтобы «идти по центру», двигаться по пути реформ на основе уступок и соглашений между разными социальными слоями, объективно разделенными конфликтными интересами. В этих условиях определяющая роль в реализации цивилизованной формулы «конфликт—консенсус» принадлежит политической элите. Проанализирую ее поведение под интересующим нас углом зрения.

Первым современным политиком, признавшим право на существование различных социальных интересов и конфликтов и обнаружившим готовность в то же время достичь между ними консенсуса по основополагающим проблемам реформ

и «двигаться по центру», был Горбачев. Центристская политика, проводившаяся им на протяжении шести лет пребывания у власти, вызывает сегодня противоречивые оценки, при этом большинство россиян оценивает его деятельность со знаком минус. И в такой оценке есть резон: совершенно очевидно, что Горбачеву не удалась роль выдающегося лидера переходного периода, он не стал российским Франклином Рузвельтом (напомню, что тот с помощью радикальных социальных и экономических реформ спас в 1930-е годы от коллапса американский капитализм и сумел перевести его развитие в новое качество), он не был подготовлен интеллектуально и политически, чтобы сыграть эту роль.

Зададимся, однако, вопросом: виновата ли в неудаче горбачевских реформ избранная им политическая стратегия? Ответ на этот вопрос не представляется мне очевидным и однозначным. По крайней мере главной причиной горбачевских неудач, на мой взгляд, была не столько его центристская стратегия, сколько некомпетентность в разработке, принятии и проведении самих социально-экономических реформ. Что же касается его политической стратегии, она при всей ее противоречивости и несовершенстве создавала благоприятные условия для перевода общества из тоталитарного в демократический режим на мирно эволюционной основе.

На протяжении шести лет пребывания у власти Горбачев постоянно обновлял свои ортодоксально социалистические ценности, включая в них принципы социал-демократии и либерализма. В значительной мере благодаря ему эти ценности (среди них принципы гражданского общества, политического плюрализма, правового государства) были восприняты и поддержаны большинством общества. Идеологическая гибкость Горбачева позволяла ему на протяжении достаточно длительного срока нейтрализовать и идейно-политические крайности. В 1988—1989 годах в России оформились две идейно-политические крайности: консервативный фундаментализм во главе с Е. Лигачевым и И. Полосковым и радикал-популизм во главе с Б. Ельциным. Горбачев пытался переиграть их, соединяя принципы коммунизма, социал-демократии и либерализма. Он изобрел своеобразную концепцию демократического социализма, которая в его исполнении стала емкой оппортунистической формулой. Практическая реализация этой формулы была очень противоречивой, но наличие в ней многих очевидных минусов не может перечеркнуть одного бесспорного, на мой взгляд, плюса: горбачевская политическая стратегия обеспечивала эволюционные, а не революционно-насильственные формы развития современной российской модернизации, она предотвращала возможности открытого бунта со стороны как ельцинских радикалов, которые и сами в теоретическом плане длительное время стояли на платформе демократического социализма, так и лигачевских фундаменталистов.

Возможности сохранения в России консенсуса с помощью политической стратегии, проводившейся Горбачевым, были исчерпаны в 1991 году. Но причиной краха его курса, как уже отмечалось выше, была не политическая стратегия и стремление к достижению консенсуса в обществе по вопросам реформ, а неспособность компетентно проводить эти реформы. Все конкретные реформаторские предложения Горбачева, чему посвящены другие мои статьи, были помечены печатью утопизма и непрофессионализма², обречены по этой причине на крах. Для примера приведу одну реформу Горбачева, может быть, самую важную для его модернизаторского курса — введение рыночных отношений.

Горбачев попытался соединить социализм с рынком с помощью декретов — приказов и, как сегодня это уже очевидно, без осознания даже азов рыночных отношений. Главным среди «рыночных» декретов был Закон о государственном предприятии (объединении), одобренный в июне 1987 года и вступивший в силу с 1 января 1988 года. Рыночный социализм должен был основываться на трех китах

² См., в частности, статьи: Современная российская модернизация: этапы, логика, цена. «Вопросы философии», 1994, № 11; 1985—1995: реалии и утопии новой России. «Отечественная история», 1995, № 2; Взлет и крушение российских утопий. «Общественные науки и современность», 1995, № 3.

— самофинансировании, самокупаемости, самоуправлении всех предприятий. Предполагалось, что в 1988 году закон будет распространен на 50% предприятий, а в следующем году — на другую половину. Но уже в 1988 году выяснилось, что закон прочно забуксовал, а в следующем году стало ясно, что он потерпел фиаско. Очевидна главная причина этого: провозгласив с помощью декрета введение рыночного социализма, Горбачев на практике не дал ему никаких шансов на успех. В стране совершенно отсутствовала инфраструктура рынка, даже ее зачатки, т. е. элементарные условия и механизмы, которые позволяли бы предприятиям пускаться в «свободное плавание». Не было банков, товарно-сырьевых бирж, посреднических организаций, которые бы позволили наладить механизм закупок сырья и сбыта продукции, кредитов и инвестиций. При такой ситуации рынок был обречен остаться на бумаге, а попытки навязывать его декретами только усугубляли экономический кризис.

Крах экономических реформ Горбачева исчерпал возможности достижения консенсуса в российском обществе под знаменами демократического социализма. Большинство общества утратило веру в модернизацию на социалистической основе и вверило свою судьбу радикалам, выступившим под антисоциалистическими лозунгами. Переход власти от Горбачева и КПСС к радикалам носил характер мирной «бархатной революции»: попытка коммунистов-фундаменталистов в августе 1991 года реставрировать старый порядок силой была легко пресечена в первую очередь в силу того, что большинство россиян к тому времени отrekliсь от коммунистических ценностей. Но с приходом к власти Ельцина и радикалов проблема обеспечения мирно конституционного развития модернизации не была снята, а приобрела еще большую остроту.

Начало реализации Ельциным и его сторонниками радикально-либеральной модернизации не только не сняло и не смягчило социальные конфликты, а придало им новую остроту и взрывоопасный характер. Политическая практика радикалов очень быстро выявила утопический и популистский характер их идеологических обещаний: в результате их реформ в России стало возникать нечто совершенно противоположное тому, что провозглашалось в риторике и программе движения «Демократическая Россия» и входивших в него партий в оппозиционный период 1989—1991 годов. Вместо превращения в общество народного капитализма и среднего класса, как это обещали Ельцин и его сторонники, Россия в результате разгосударствления и приватизации собственности разделилась на сверхбогатое меньшинство и бедное большинство. Вместо обещанного «правового государства» стал утверждаться произвол госбюрократии и чиновничества. В целом в результате реформ Ельцина и его сторонников в стране стала укореняться не североамериканская или западноевропейская общественная модель, о которой грезили радикалы и поверившие им рядовые россияне, а латиноамериканская модель, исполненная острых и неустрашимых социальных контрастов и конфликтов. И, естественно, создающая почву для насилия, гражданских войн, революций.

Пока еще мирно конституционное развитие российского общества сохраняется. Но многие аналитики сходятся в том, что возможность его крушения нарастает, и если это произойдет, на процессе российской модернизации на долгие годы можно будет поставить крест. Реализуется или нет эта драматическая перспектива, зависит в значительной мере от поведения политической элиты, соперничающих политических сил и партий, их способности и желания придти к консенсусу и достигать соглашения по вопросам фундаментальных ценностей российской модернизации, основываясь при этом на реальных возможностях России и россиян.

Совершенно очевидно, что в основу этого консенсуса не может быть положена ни радикально-либеральная модель, которая только усиливает раскол и поляризацию российского общества, ни национал-коммунистическая утопия, которая чревата экономическим крахом, гражданскими войнами и войнами с государствами как ближнего, так и дальнего зарубежья. Очевидно и то, что мо-

дернизация России по классическим западным образцам нереальна. В новом общественном консенсусе не могут быть проигнорированы массовые умонастроения и ментальность основных классов и социальных групп российского общества.

Социологические «замеры» массовых настроений россиян свидетельствуют, что радикально-либеральная утопия, достигшая пика влияния в 1989—1991 годах и принеся мирную победу Б. Ельцину и его сторонникам, пользуется все меньшим влиянием в России. Разочарование в либеральных ценностях сопровождается усилением национал-коммунистических настроений. Вместе с тем очевидно, что влияние национал-коммунистических идей остается ограниченным, твердую поддержку им выказывает не более одной трети россиян. Большинство россиян, высказываясь в пользу наведения в стране порядка, и сегодня не согласны пожертвовать демократическими принципами и установлениями, такими как свободное политическое волеизъявление граждан, разделение властей, правовое государство. В целом умонастроения основной массы россиян можно определить как коллективистско-либеральные, социал-демократические, россияне и сегодня не против рынка и демократии, но они против узурпации их результатов меньшинством общества. Это доминирующее умонастроение и может быть воспринято в качестве основы при формировании консенсуса между разнородными социальными интересами.

Готова ли российская политическая элита к достижению консенсуса о фундаментальных ориентирах и ценностях общества, сообразуясь с реальными возможностями модернизационного процесса в России? Увы, дать положительный ответ на этот вопрос нельзя. Анализ поведения российской политической элиты и политических партий после 1991 года свидетельствует о преобладании в рядах российских политиков мотива борьбы за власть, разрушительного для консенсуса.

Разрушительное воздействие властных амбиций российской политической элиты полно проявилось в сентябре-октябре 1993 года, когда конфликт между исполнительной и законодательной властями, выступавшими фактически в качестве соперничающих партий, перерос в вооруженную схватку между ними. Современная политическая ситуация показывает, что российская элита не извлекла надлежащих уроков из сентябрьско-октябрьского кризиса.

В современном политическом спектре России право- и левоцентристские силы, доминирование которых и создает прочную основу для достижения национального консенсуса, остаются крайне слабыми и вялыми. Зато необычайно активны политические «крайности», партии, выступающие с радикально-экстремистских позиций. Самая многочисленная российская политическая партия — РКП во главе с Г. Зюгановым — провозглашает лозунг «полной перемены общественного строя» в России, как будто она имеет мандат на возврат к казарменному социализму от большинства населения (на самом деле ее поддерживают не более 10—15% избирателей, представляющих в основном старшее поколение). Другая влиятельная партия — ЛДПР во главе с В. Жириновским — требует воссоздания централизованного государства в границах Российской Империи, что на практике означает насилие и кровопролитие. Обеим этим партиям присуще идеологически общее: главный источник российского кризиса они видят в «происках» внешних и внутренних врагов; государство в их планах поглощает, вбирает в себя гражданское общество и права личности и с помощью своего тотального диктата «выводит» страну из кризиса; они не проявляют вообще или проявляют в минимальной степени интерес к экономической теории и экономическим (макро- и микро-) разработкам, поскольку таковым не отводится сколько-нибудь существенной роли и самостоятельного значения в схемах преодоления кризиса.

Крайность другого сорта проявляет «Демократический выбор России», самая влиятельная в последние два года партия из противоположного РКП и ЛДПР фланга. Лидер партии Е. Гайдар, с именем и идеями которого связана «шоковая терапия» 1991—1992 годов, настаивает: в те годы все делалось правильно, и если бы не сопротивление Верховного Совета, АПК и ВПК, промышленных и колхоз-

ных генералов, сорвавших реформы, результаты гайдаровского курса были бы, безусловно, положительными. Гайдар и его окружение не в состоянии признать, что именно их курс привел к укоренению в российской модернизации латиноамериканской модели. Он и сегодня уверен, что его программа делает вполне реальным развитие в России общества западного образца: «Россия сегодня имеет уникальный шанс сменить свою социальную, экономическую, в конечном итоге историческую ориентацию, стать республикой „западного" типа»³.

Сколь долгим будет преобладание «крайностей» в российской политике? Очевидно, что оно не может быть преодолено без активных усилий влиятельных деятелей, заинтересованных в цементировании политического центра. В свете этого, безусловно, положительной оценки заслуживает предпринятая весной-летом 1995 года российским Президентом и его окружением попытка инициировать создание двух мощных политических блоков право- и левоцентристского толка, способных стать главными политическими соперниками в России и резко ослабить, если не нейтрализовать, политические «крайности». И хотя эта попытка была предпринята «партией власти», что вызвало скептическое и критическое отношение многих комментаторов, заподозривших намерение правящих кругов упрочить таким образом свое положение и ослабить оппозицию, именно она, на мой взгляд, способна была создать задел той схемы «конфликт—консенсус», которая обеспечивает конституционное развитие России и мирное взаимоотношение различных ее социальных интересов.

Реализация инициативы по созданию правоцентристского и левоцентристского блоков с самого начала натолкнулась на серьезные трудности. С одной стороны, достаточно легко было создано правоцентристское объединение: «Наш дом Россия» во главе с премьер-министром В. Черномырдиным сумел объединить многих право-, центристски- и даже левоориентированных представителей разных эшелонов власти, влиятельных представителей промышленных, финансовых кругов, интеллигенции. У этого объединения появился хороший шанс «обыграть» правые и праворадикальные партии и фракции. Но вот с созданием левоцентристского объединения возникли серьезные проблемы. Его организатор, весьма влиятельный спикер нижней палаты Государственной Думы И. Рыбкин, не смог, в значительной мере из-за амбиций мелких левых и левоцентристских партий и фракций, объединить вокруг себя достаточно сил, чтобы нейтрализовать или ослабить влияние крайне левых партий. Его блок не сумел стать и левоцентристским противовесом правоцентристскому объединению «Наш дом Россия», без чего достижение равноправного консенсуса между различными социальными интересами вряд ли возможно.

В целом достижение цивилизованной модели «конфликт—консенсус» выглядит сегодня весьма проблематичным. А без этого серьезно снижаются и возможности сохранить демократический режим. Соответственно увеличиваются шансы для недемократического режима, который возможен в сегодняшней России в двух вариантах: или будет установлено авторитарное управление по образцу пиночетовского, т. е. проводящее радикально-капиталистическую модернизацию, или утвердится национал-социалистический режим, насаждающий реставрационные цели. В любом случае свободное развитие и соревнование различных социальных интересов будет подавлено. Исчезнут и конфликты между ними. Вместо общественного консенсуса утвердится идейно-политическое единство общества. Что это такое, большинство из нас еще очень хорошо помнят.

³ Гайдар Е. Двуглавый орел и золотой теленок. «Известия», 16 ноября 1994.